

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XV¹⁾.

Было уже начало сентября и наступило самое удушливое, знойное время года: лѣтніе мѣсяцы въ Хиосѣ чрезвычайно пріятны и прохладны благодаря освѣжающимъ вѣтрамъ съ сѣвера; но въ дни равнодѣствій съ африканскихъ и аравійскихъ степей начинается дуть жаркій, сухой самумъ. Море реветъ, какъ звѣрь, и бросаетъ громадныя волны на берегъ, такъ что ни купаться, ни гулять нѣтъ никакой возможности. Окна моей спальни, выходящія на бухту, не открываются совсѣмъ и наглухо заколочены ставнями, такъ какъ вѣтеръ можетъ сорвать рамы, а фонтаны брызгъ обдають стѣны дома до самой крыши.

Было ужасно скучно. Красиваго адъютанта уже давно, почти два мѣсяца, мнѣ не приходилось встрѣчать, и я успѣла достаточно охладѣть къ нему. Появлялись изрѣдка въ нашей пріемной греки и гречавки; но мнѣ хотѣлось чего-нибудь болѣе интереснаго, чѣмъ общество невѣжественныхъ торгашей. Картины природы также прісмотрѣлись, и я затосковала на классическомъ островѣ.

Ничего другого не оставалось, какъ пользоваться единственнымъ развлеченіемъ: сидѣть на балконѣ въ затишьѣ, читать и наблюдать рѣдкихъ прохожихъ въ эту бурную погоду.

И вдругъ въ одинъ изъ такихъ томительныхъ дней я увидѣла на поворотѣ изъ города на бульваръ знакомую группу: турецкаго солдата, а за нимъ въ черномъ плащѣ, запахиваясь отъ вѣтра, шелъ самъ губернаторъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1910 г.

Обрадованная, я поспѣшила къ нему навстрѣчу и на площадкѣ лѣстницы шумно привѣтствовала его:

„Ваше превосходительство, когда же, наконецъ, пріѣдетъ ваша дочь? я умираю отъ скуки здѣсь! вотъ и лѣто прошло, а Элиме все нѣтъ и нѣтъ!“

Деликатный, всегда застѣнчивый Кіамиль-паша какъ будто смутился отъ столь развязнаго обращенія съ нимъ, совсѣмъ непривычнаго для уха истаго, степеннаго мусульманина, хотя бы самаго образованнаго и прогрессивнаго: ихъ женщины даже у себя дома не смѣютъ первыми обращаться съ разговорами къ отцу или мужу отвѣчаютъ только на вопросы, скромно опустивъ глаза...

Но слишкомъ хорошо воспитанный, онъ мгновенно оправился отъ удивленія и, пожимая мнѣ руку, съ любезной улыбкой отвѣтилъ:

„Mademoiselle, я счастливъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ, да благословитъ васъ Аллахъ, а за симъ имѣю честь передать вамъ привѣтъ вернувшейся семьи и просить вашего разрѣшенія для моихъ дамъ посѣтить васъ завтра же?“

Въ этотъ моментъ подошли и родные.

Послѣ рукопожатій и взаимныхъ пожеланій съ призываніемъ имени Аллаха,—какъ полагается по турецкому этикету,—Кіамиль-паша, сдѣлавъ жестъ въ мою сторону, серьезно и сердечно проговорилъ:

„Однако, какъ ваша племянница располнѣла и въ тѣлѣ и въ лицѣ—прямо удивительно! Съ Божьей помощью, надѣюсь, что такъ будетъ продолжаться до безконечности! Иншаллахъ! Иншаллахъ“—т. е. дай Богъ!

Ну, ужъ этого я никакъ не ожидала и совершенно растерялась.

А виновникъ моей тревоги, ничего не подозрѣвая, повернулся къ дядѣ и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ упрасивалъ послѣдняго пожаловать на слѣдующій день къ нему въ конакъ для интимной бесѣды и остаться съ нимъ до возвращенія гарема домой—„чтобы,—прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія,—и намъ съ вами не скучать“.

Любезное приглашеніе это въ тайномъ переводѣ имѣло такой смыслъ: „и для меня такъ покойнѣй будетъ, и тебѣ меньше искушенія: двери здѣсь все стеклянныя, а франки народъ ненадежный“...

Когда ушелъ губернаторъ, я тотчасъ же ушла къ себѣ, чтобы удостовѣриться въ постигшемъ меня несчастіи и, стоя передъ зеркаломъ, съ ужасомъ спрашивала себя: неужели правда? лучше умереть въ такомъ случаѣ; но прежде надо провѣрить...

— Дядя,—захныкала я,—развѣ я пополнила?

— Какъ будто немного поправилась,—отвѣтилъ онъ разсѣяннo и ушелъ по дѣламъ службы.

— Сказалъ „немного“, славу Богу,—утѣшилась я,—надо поху-дѣть: буду мало ѣсть и меньше спать...

Но... забѣгу впередъ и, курьеза ради, расскажу теперь же, ка-кое смѣшное недоразумѣніе вышло изъ всего этого. При послѣдую-щихъ, довольно частыхъ посѣщеніяхъ мною семьи хіосскаго губер-натора, я неизмѣнно слышала отъ него одно и то же: „Благодареніе Аллаху, mademoiselle все полнѣетъ и полнѣетъ!“.

На мои жалобы и тревожные разспросы Магіе съ раздраженіемъ всегда отвѣчала:

— Какія глупости лѣзутъ тебѣ въ голову—займись лучше дѣ-ломъ. Мало ли что говорятъ изъ любезности.

— Хороша любезность, думала я въ отчаяніи.

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ зловѣщихъ для меня восклицаній я рѣшилась сдѣлать дипломатическій шагъ.

— Милая тетя,—съ мольбой обратилась я къ Магіе,—пожалѣйте меня, укажите средство отъ чрезмѣрной толщины, а то очень скоро мнѣ не пролѣзтъ ни въ одну дверь.

Удивленная тетка спросила, откуда явилась у меня такая дикая фантазія?

Тогда я объяснила, въ чемъ дѣло, горько сѣтуя на Кіамиль-пашу.

Вошедшій дядя присоединился къ хохоту жены, и оба, наконецъ, разъяснили мнѣ, что это нечто иное, какъ турецкій комплиментъ, равносильный нашему: „ахъ, какъ вы похорошѣли!“ такъ какъ во-сточные люди не любятъ худыхъ красавицъ.

Итакъ, сомнѣнія мои разсѣялись, и я успокоилась.

А воспитанный и вѣжливый паша такъ же, какъ и прежде, при встрѣчахъ со мной, не измѣняя даже тона, повторялъ: „Благодареніе Аллаху, mademoiselle полнѣетъ и полнѣетъ!“

Г л а в а XVI.

На слѣдующій день мы стали готовиться къ приему знатныхъ турчанокъ. По столамъ разставлены были кувшины съ шербетомъ, варенье и разныя сласти, до которыхъ онѣ страстныя охотницы.

Прежде чѣмъ продолжать этотъ рассказъ, я должна предпослать ему слѣдующее объясненіе, чтобы было понятно положеніе дѣйстви-ующихъ лицъ въ настоящей главѣ.

Единственная законная жена Кіамиль-паши, ханумъ Ашима, какъ уже извѣстно читателю, была сирійская арабка.

Дочь и невольницы губернатора также усвоили родное нарѣчіе хозяйки дома и въ сношеніяхъ между собой пользовались имъ чаще, чѣмъ турецкимъ.

Передъ назначеніемъ своимъ въ Хіосъ вице-консуломъ и агентомъ русскаго пароходства дядя мой прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ той же должности на Сирійскомъ побережьѣ, исключительно заселенномъ бѣлыми арабами, языкъ которыхъ такъ же популяренъ тамъ, какъ галика въ Малой Азіи и на архипелагахъ.

За это время и Магіе прекрасно научилась понимать сирійскій говоръ; но избѣгала объясняться на немъ вслѣдствіе его слишкомъ гортаннаго произношенія съ необыкновенно твердыми удареніями. Когда на островъ былъ переведенъ Кіамиль-паша, и дамы гарема его обмѣнялись съ ней визитами, то она скрыла отъ послѣднихъ свое знаніе арабскаго языка просто изъ нежеланія смѣшить ихъ неправильностью произношенія и разговаривала съ ними по-турецки.

Во всѣ эти подробности я вхожу сейчасъ только для того, чтобы было понятно, какимъ путемъ удалось мнѣ получить дословный переводъ интимнѣйшихъ сужденій турчанокъ о моей личности при первомъ нашемъ знакомствѣ.

Итакъ, мы ждали столь необыкновенныхъ для меня гостей, и я горѣла нетерпѣніемъ поскорѣ увидѣть безъ покрывалъ этихъ загадочныхъ по европейскимъ понятіямъ созданій.

На мои разспросы, правда ли, что дочь губернатора, какъ говорятъ, очень образованная особа, такъ какъ училась въ школѣ при какой-то французской общинѣ въ Іерусалимѣ и о чемъ удобнѣе вести съ ней бесѣды, Магіе дала мнѣ слѣдующее разъясненіе.

„О степени учености магометанской дѣвицы,—улыбнулась она,—предоставляю тебѣ судить самой при дальнѣйшемъ съ нею знакомствѣ, а сейчасъ и прежде всего рекомендую тебѣ чрезвычайную осторожность въ выраженіяхъ, т. е. другими словами: не критиковать ничего турецкаго, а главное избѣгать религіозныхъ темъ: малѣйшее опрометчивое слово о пророкѣ, а также о личности падишаха смертельно оскорбитъ ее, и вмѣсто друга ты найдешь въ ней непримиримаго врага. Мусульманскія женщины,—продолжала она,—фанатичнѣе мужчинъ, увѣряю тебя, и странно было бы мнѣ, здѣшней уроженкѣ, послѣ долгаго сожителства съ этимъ народомъ не знать его!

Въ этотъ моментъ вошелъ дядя и предупредилъ жену, что отправляется въ Конакъ.

— Женья,—позвалъ онъ меня,—вчера Кіамиль-паша говорилъ мнѣ, что дамы его ждутъ, не дождутся спросить тебя, хорошо ли ты рассмотрѣла султана на Селямликѣ, и каковъ онъ изъ себя? Сами онѣ никогда не были въ Константинополь, а потому съ инте-

ресомъ будутъ слушать твой разсказъ: хвали все — красокъ не жалѣй: чѣмъ ярче, тѣмъ лучше. О падишахѣ можешь даже сказать, что онъ показался тебѣ красавцемъ,—расхохотался дядя,—этимъ дѣла не испортишь, а напротивъ доставишь имъ большое удовольствіе.

— Какъ!—воскликнула я,—называть красавцемъ стараго толстяка? едва-ли онѣ повѣрятъ и, пожалуй, обидятся?

— Повѣрятъ, будь покойна! но во всякомъ случаѣ упомяни, что ты собственными глазами видѣла тѣнь Аллаха на его челѣ,—смѣясь, договорилъ онъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Однако, не трудно понравиться турчанкамъ,—думалось мнѣ,—скажу, что Абдуль-Азисъ очарователенъ, и что Магометъ—великій пророкъ. А въ остальномъ мы сойдемся: все-таки Элиме вѣроятно умнѣе глупыхъ гречанокъ, съ которыми, кромѣ какъ о сплетняхъ и нарядахъ, не о чемъ и поговорить. Она будетъ хорошей подружкой, я научусь у нея по-турецки и не буду такъ одинока, какъ сейчасъ,—мечтала я. Отсутствіе сверстницы тяжело переносилось мной.

Мы вышли на балконъ и, въ ожиданіи появленія гостей, Магіе снова принялась учить и наставлять меня, какъ и въ какомъ тонѣ удобнѣе всего вести бесѣды съ затворницами гаремовъ.

Г л а в а XVII.

Наконецъ мы увидѣли оригинальное зрѣлище.

На сажень впередъ шли два запряженныя, расчищая дорогу отъ прохожихъ. За ними тихимъ шагомъ и сидя верхомъ по-мужски на мулахъ, подъѣзжали къ нашему дому четыре всадницы. Видъ послѣднихъ менѣе всего напоминалъ амазонокъ: скорѣй всего ихъ можно было принять за разноцвѣтные мѣшки, навьюченные на спины животныхъ. Закутанныя въ широчайшія хламиды, изъ-подъ которыхъ уморительно торчали ноги въ обѣ стороны, въ бѣлыхъ ясмакахъ съ узкимъ отверстіемъ для глазъ и неуклюже покачиваясь въ сѣдлахъ, онѣ производили комичное впечатлѣніе на непривычнаго зрителя.

Остановивъ муловъ у подъѣзда, гаремныя дамы стали сваливаться съ нихъ и утиной походкой, свойственной всѣмъ турчанкамъ, вошли въ парадный ходъ. Мы встрѣтили ихъ въ корридорѣ и пригласили въ пріемную. Но прежде чѣмъ войти туда, губернаторша остановилась на порогѣ и стала пристально всматриваться

въ противоположную стеклянную дверь, задернутую изнутри портьерой.

Элиме перехватила ея взглядъ и, указывая мнѣ на подозрительное мѣсто, спросила по-французски:

„Тамъ есть кто-нибудь?“

„Кто-нибудь“ надо было понимать „мужчина“.

Я успокоила ея, и тогда всѣ четверо, шумно перекликаясь между собой по-арабски, вошли въ залъ.

Здѣсь передъ зеркаломъ былъ поставленъ для нихъ столикъ съ туалетными принадлежностями, и мы попросили ихъ раздѣться. А это оказалось очень сложной работой. Прежде всего имъ пришлось вытаскивать массы булавокъ, которыми были укрѣплены на головахъ ясмаки. Послѣдніе состоятъ изъ двухъ половинокъ: верхняя накидывается отъ затылка и, прикрывая темя, спускается на лобъ до самыхъ глазъ; вторая—надѣвается на нижнюю часть лица, а концы, захватывая уши, укрѣпляются сзади. Снявъ ясмаки, обѣ благородныя дамы оказались въ хорошенькихъ модныхъ шляпкахъ съ перьями и цвѣтами. Спрашивается: для чего онѣ имъ, когда приходится обвертывать ихъ складками плотной кисеи? На рабыняхъ красовались ярко-желтыя повязки съ блестками. Всѣ онѣ показались мнѣ толстыми, неповоротливыми, пока оставались въ своихъ фередже, покрой котораго напоминаетъ мѣшокъ съ прорѣзанными отверстиями для рукъ и скрываетъ въ своихъ обширныхъ полотнищахъ всю человѣческую фигуру.

Когда же губернаторша и ея падчерица сняли эти безобразныя балахоны, то явились намъ худощавыми стройными франтихами въ прекрасно сшитыхъ шелковыхъ платьяхъ по послѣднему слову парижской картинки.

Красота ханумъ Ашимы поразила меня: необыкновенно бѣлый цвѣтъ лица, нѣжный румянецъ, большіе каріе глаза, прекрасный профиль—она была очаровательна, эта сирійская арабка.

Элиме выглядывала значительно старше своей мачехи, имѣла типичныя черты восточной уроженки: ястребиный носикъ, чувственный ротъ и черные безъ блеска жесткіе волосы, заплетенные въ мельчайшія косички, какъ полагается турецкимъ дѣвушкамъ. Обѣ невольницы, рыхлыя молодья черкешенки, были въ полосатыхъ юбкахъ и красныхъ кофтахъ. Такимъ образомъ я убѣдилась самолично, что турчанки одѣваются такъ же, какъ и мы, и что некрасивый нарядъ, въ которомъ видятъ ихъ всѣ на улицѣ, скрываетъ въ своихъ складкахъ современное европейское платье.

Г л а в а XVIII.

Гости наши распаковывались и охорашивались передъ зеркалами очень долго, въ особенности откалываніе шлейфовъ заняло много времени.

Положеніе было прекомичное: не подозрѣвая, что Magie хорошо понимаетъ по-арабски, гости наши безъ стѣсненія громко обмѣнивались впечатлѣніями на счетъ моей особы.

Я всегда была близорука и носила пенсне—вещь запрещенная, по ихъ понятіямъ, для женщины.

„Новая франка¹⁾ слѣпая“,—рѣшила безапелляціонно губернаторша.

— Вѣроятно много грѣшила, и Аллахъ наказалъ ее,—добавила Элиме,—только интересно знать,—продолжала турчанка,—разсмотрѣла ли она въ четыре глаза нашего падишаха?

— А ты спроси ее, непременно спроси!—вмѣшалась толстая наложница.

— Ну, отозвалась другая рабыня,—не знаешь развѣ франковъ? если и не видѣла, то совреть.

Всѣ эти лестные отзывы Magie тотчасъ же перевела мнѣ по-русски.

Наконецъ, онѣ закончили свой туалетъ и повернулись къ намъ съ привѣтливыми улыбками. Мы попросили ихъ слѣдовать въ гостиную.

Здѣсь обѣ благородныя дамы, не дожидаясь приглашенія хозяйки, усѣлись вмѣстѣ съ рабынями на диванъ и сообщи начали перелистывать альбомы.

Между нами было условлено, что я займусь только дочерью губернатора, такъ какъ она одна изъ всей компаніи говорила по-французски, а тетушка моя генеральшей и ея подругами.

Но онѣ, не замѣчая насъ, продолжали болтать между собой, и вдругъ принялись съ ожесточеніемъ тормошить младшую черкешенку, указывая ей на фотографическую карточку молодого человѣка изъ нашихъ знакомыхъ. Сконфуженная и вся красная отъ волненія дѣвушка отбивалась отъ нихъ, стыдливо закрывая лицо широкимъ рукавомъ кофточки.

На вопросъ нашъ о причинѣ столь веселаго настроенія Элиме отвѣтила, что господинъ на портретѣ имѣетъ удивительное сходство съ братомъ невольницы.

¹⁾ Франками турки называютъ всѣхъ безъ исключенія европейцевъ.

Давая такое объясненіе, турчанка воображала, что мы наивнѣе ея...
Подали на подносахъ шербеты, кофе и сласти.

Дамы оставили въ покоѣ альбомы и расположились иначе: генеральша сѣла возлѣ Магіе, а я съ Элиме на другомъ концѣ комнаты. Рабыни помѣстились въ креслахъ недалеко отъ насъ.

Съ турчанками, какъ я убѣдилась впоследствии по опыту, говорить очень трудно. Онѣ не признаютъ обыденной разговорной рѣчи и, чтобы онѣ васъ понимали, надо усвоить ихъ манеру выражаться, даже о пустякахъ, цвѣтисто и образно. Выборъ темъ для подобныхъ бесѣдъ довольно затруднителенъ, такъ какъ ихъ понятія о вещахъ совершенно другія, чѣмъ у насъ.

Итакъ, вспоминая на этотъ разъ уже данные мнѣ совѣты, я повела рѣчь осторожно, придерживаясь высокопарнаго тона въ восточномъ вкусѣ.

Прежде всего я сообщила Элиме, что удостоилась счастья видѣть Абдуль-Азиса на церемоніи Селямлика. Она слушала меня съ напряженнымъ вниманіемъ и съ затаеннымъ вздохомъ повторяла:

„Счастливая! счастливая! вамъ удалось лицезрѣть свѣтлый ликъ нашего мудраго падишаха!“—и глаза ея съ восхищеніемъ останавливались на мнѣ.

— Но, — продолжала моя собесѣдница, — былъ слухъ, что великій султанъ не совсѣмъ здоровъ? еще говорятъ, — прибавила она таинственно, — что его сглазили дипломаты, и повелитель правовѣрныхъ даже похудѣлъ? Правда ли это?

Я поспѣшила увѣрить ее, что Абдуль-Азисъ показался мнѣ очень толстымъ и цвѣтущимъ.

Благодарный взглядъ былъ мнѣ наградой.

— Я еще ни разу не была въ Истамбулѣ¹⁾, — сказала съ оттѣнкомъ грусти она — а потому не имѣла счастья любоваться блистательной персоной намѣстника пророка на землѣ... — Зера-ханумъ, жена коменданта нашей цитадели — она была второй кадиной Его Величества — утверждаетъ, что обликъ падишаха прекрасенъ? А вы согласны съ этимъ, mademoiselle?

— О! всѣ въ восторгѣ отъ его красоты, и хотя онъ уже старъ, — думала сказать я; но, спохватившись въ-время, договорила такъ: „хотя онъ не молодъ, но зато великая мудрость освѣщаетъ его лицо, и видъ у него величественный“.

И мы продолжали бесѣдовать о необыкновенныхъ достоинствахъ

¹⁾ Турки вообще избѣгаютъ называть свою столицу „Константинополемъ“, предпочитая ему свое „Истамбулъ“.

главы мусульманъ, о завидной долѣ его гарема и великолѣпнн церемоніи Селямлика.

Итакъ, до сихъ поръ все шло благополучно: повидимому, фанатичная въ обожаніи султана, Элиме была довольна мной. Она одобрительно кивала головой, пока я расписывала ей красоту Абдуль-Азиса и, окинувъ меня доброжелательнымъ взглядомъ, позвала мачиху:

— Ханумъ! франка съ четырьмя глазами не вретъ, все такъ хорошо рассказываетъ—и увѣряетъ, что на лицѣ падишаха написана мудрость пророка.

— Значить, она добрая дѣвушка,—отозвалась Ашима,—нашъ паша будетъ очень доволенъ: пригласи ее бывать у насъ какъ можно чаще.

Г л а в а XIX.

Наконецъ мнѣ ужасно надоѣло лицемѣрно восхищаться толстымъ султаномъ, какимъ я видѣла Абдуль-Азиса въ дѣйствительности, и захотѣлось поговорить съ турчанкой о чемъ-нибудь другомъ.

Тутъ кстати вспомнила я, что на будущей недѣлѣ ожидается лунное затменіе. Мнѣ рассказывали, что въ такихъ случаяхъ въ турецкихъ кварталахъ всегда поднимается невообразимая кутерьма подъ вліяніемъ паническаго страха за участь любимаго свѣтила Магомета.

Желая узнать мнѣніе просвѣщенной мусульманки по этому предмету, я спросила ее, извѣстно ли ей, что такого-то числа будетъ полное затменіе луны?

Затронувъ подобную тему, я основательно предполагала, что особа, кончившая курсъ въ европейской общинѣ, не раздѣляетъ суевѣрныхъ понятій невѣжественныхъ массъ; но... къ сожалѣнію, мнѣ еще неизвѣстно было, что такое собственно „образованная турчанка“, и чему учатъ ее въ миссіонерскихъ школахъ?

Эффектъ отъ сказаннаго мной получился самый неожиданный. Элиме широко раскрыла глаза съ выраженіемъ сильнѣйшаго изумленія и любопытства. Голосъ ея звучалъ неподдѣльной ироніей, когда заговорила она своимъ вычурнымъ языкомъ, важно и снисходительно оглядывая меня: „Откуда“ дано вамъ знать „о приближеніи злого духа къ свѣтлому лику луны—развѣ вы святая?“

Задѣтая ея тономъ, я отвѣтила ей также насмѣшливо: „изъ календаря, mademoiselle, для этого не надо быть святой, не хотите ли сами заглянуть въ него, и вы убѣдитесь“...

— Нѣтъ, не безпокойтесь,—перебила она,—воля Аллаха извѣстна только избранному пророку, а не вашимъ календарямъ.

— Въ такомъ случаѣ разъясните мнѣ по-вашему о причинѣ появленія тѣни на дискѣ луны?—попросила я, стараясь быть серьезной.

— Съ удовольствіемъ,—согласилась она,—развѣ васъ не учили, какъ злой драконъ поклялся однажды дьяволу погасить небесную лампаду за то, что она освѣщала путь рессуль¹⁾—Магомету, когда, гонимый врагами истины, онъ бѣжалъ изъ Мекки въ пустыню. Тамъ въ сіяніи лучей полумѣсяца и звѣздъ созрѣла наша великая религія! Съ тѣхъ поръ чудовище каждый годъ покушается овладѣть прекраснымъ свѣтиломъ; но до сихъ поръ правовѣрные разрушаютъ его замыслы.

— Объясните мнѣ, Элиме,—обратилась я къ ней, еле удерживаясь отъ смѣха,—для какой собственно цѣли у васъ во время затменія колотятъ въ тазы и стрѣляютъ въ небеса? Вѣдь вся эта воздушная драма происходитъ на недосыгаемой высотѣ.

— Ахъ, нѣтъ! Совсѣмъ не такъ высоко, какъ вамъ кажется,—убѣжденно возразила она,—днемъ луна отдыхаетъ вонъ тамъ за горкой,—указала образованная дѣвица на западъ,—а ночью она виситъ совсѣмъ близко къ землѣ, такъ что испугать дракона совсѣмъ не трудно: при всемъ своемъ нахальствѣ онъ еще и трусливъ.

Мнѣ очень нравились ея поэтичныя выраженія о нашей спутницѣ; но тѣмъ не менѣе я рѣшилась просвѣтить ее по-своему и вмѣстѣ съ тѣмъ разыграть передъ ней роль ученой—институтскіе уроки космографіи такъ свѣжи еще были въ памяти,—а потому и обратилась къ ней съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Теперь позвольте и мнѣ въ свою очередь объяснить вамъ, что говоритъ наука объ этомъ небесномъ явленіи.

— Пожалуйста, снисходительно разрѣшила она,—интересно послушать.

Тогда, предвкушая заранѣе сладость триумфа, я начала такъ:

— Какъ вамъ извѣстно, планета наша имѣетъ форму шара, о чемъ прежде люди не подозрѣвали...

Но мнѣ не дали продолжать: собесѣдница моя громко фыркнула и воскликнула:

— Какой абсурдъ! васъ обманули, молодая особа: въ такомъ случаѣ почему мы ходимъ прямо и не катимся внизъ?

Тогда я обстоятельно разъяснила ей, почему это такъ, а не иначе, подѣлилась съ ней познаніями о законѣ притяженія и тутъ же

¹⁾ Рессуль по-турецки пророкъ.

разказала исторію Христофора Колумба, который, молъ, первый и поднялъ вопросъ о шаровидности земли.

— Такъ вотъ кто наговорилъ вамъ столько вздора!—догадалась она,—ну, можно ли вѣрить всякому шарлатану!

Растолковавъ ей, почему мнѣ не приходилось бесѣдовать съ знаменитымъ мореплавателемъ, я для большей наглядности, взяла съ вазы апельсинъ и, указывая на него, продолжала развивать ту же мысль, ссылаясь на примѣры кругосвѣтныхъ путешествій.

Это еще болѣе насмѣшило питомицу французской школы „Сестеръ Сіона“.

— Вотъ въ этомъ мѣстѣ,—провела она пальцемъ по апельсину,—люди должны висѣть внизъ головами—Аллахъ вѣдаетъ, что за ужасы рассказываете вы!—съ упрекомъ проговорила умная особа и пожала плечами.

Скептицизмъ турчанки еще болѣе усилилъ во мнѣ стремленіе непремѣнно и сейчасъ же разсѣять заблужденія ея. Завладѣвъ снова апельсиномъ и поворачивая его вокругъ оси, я продолжала въ такомъ духѣ:

— Увѣряю васъ, Элиме, что земля вращается вотъ такъ, съ запада на востокъ, а намъ кажется

И опять мнѣ не удалась лекція по космографіи: при послѣднихъ словахъ Элиме дико взвизгнула и повалилась на подушки дивана.

— Аллахъ! Аллахъ!—вопила она, задыхаясь отъ хохота,—чего только не выдумаютъ франки! Мы вертимся, какъ колесо экипажа, и не замѣчаемъ того!

Ханумъ и рабыни съ испуганными лицами бросились къ ней, подозрительно оглядывая меня. Вскорѣ дѣвушка оправилась и, утирая градомъ катящіяся слезы, заговорила съ мачихой.

Вдругъ, какъ по командѣ всѣ четверо наклонили головы и съ напряженнымъ вниманіемъ принялись разсматривать коверъ, на которомъ стояли. Затѣмъ, страстно жестикулируя, онѣ начали о чемъ-то горячо спорить.

Арабскій языкъ имѣетъ характерную особенность: когда на немъ разговариваютъ, хотя бы въ самомъ миролюбивомъ и дружественномъ тонѣ, то постороннему слушателю кажется, что собесѣдники ужасно ругаются и вотъ-вотъ подерутся. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, и я именно этого ожидала; но все окончилось благополучно.

Послѣ ухода турчанокъ Магіе дословно перевела мнѣ всѣ ихъ сужденія и пересуды, а я немедленно записала инцидентъ этотъ также слово въ слово на страницахъ моего дневника.

Теперь я стану продолжать разказъ уже съ готовымъ переводомъ интимнѣйшихъ переговоровъ нашихъ посѣтительницъ.

Г л а в а XX.

Вотъ что говорили между собой дамы гарема.

— Что наврала тебѣ христіанка?—съ тревогой въ голосѣ спрашивала Ашима падчерицу.

Элиме боязливо покосилась въ мою сторону и отвѣтила:

— Ужъ не порченная ли она? недаромъ у нея четыре глаза—какъ бы не случилось бѣды! Вообрази, ханумъ, эта безумная увѣряетъ, что во вторникъ ночью драконъ подойдетъ къ лику луны и даже сказала, въ которомъ часу появится тѣнь его на небесахъ.

— Какая же она глупая! Ну, подумай сама, кто кромѣ Аллаха и пророка можетъ знать о намѣреніяхъ злого духа?—укоризненно покачавъ головкой, возразила губернаторша.

— Да ты послушай дальше,—поспѣшно перебила ее та,—она клянется, что земля, по которой мы ходимъ прямо, такая же круглая, какъ апельсинъ, и вертится, какъ колесо, а потому и бываетъ затменіе.

— Какъ! значитъ, мы двигаемся сейчасъ?—испугалась Ашима,—нѣтъ! не можетъ быть—вѣрно ей приснилось? Впрочемъ, мы сейчасъ узнаемъ, такъ ли это?—рѣшила она, склоняясь къ полу и пристально разсматривая его. Глаза остальныхъ также впились въ рисунки ковра.

— Нѣтъ, не вертится! наврала франка,—облегченно вздохнувъ, прошептала застѣнчивая Лазя, младшая рабыня.

— Ну, конечно, нѣтъ!—авторитетно подтвердила ханумъ.

— Можетъ быть она колдуетъ—я боюсь ее,—пробасила другая невольница, толстая Базя.

— Едва-ли! просто она дура,—заступилась за меня добрая генеральша,—узнай, пожалуйста, кто выучилъ ее такъ безсовѣстно врать?

— Я уже спрашивала,—отвѣтила падчерица,—она увѣряетъ, что все это написано въ календаряхъ, и что одинъ изъ ея знакомыхъ въ Россіи ѣздилъ по круглой землѣ и не свалился внизъ,—вспомнила турчанка о Колумбѣ.

— А! вотъ оно что: Россія круглая!—догадалась Ашима,—интересно знать, какъ тамъ живутъ люди?—спросила она.

— Этого франка не говорила,—возразила Элиме,—по ея словамъ Турція—шаръ.

— Ахъ, какая лгунья!—возмутилась губернаторша, наша земля ровная, какъ скатерть—такъ и скажи ей, Элѣ.

— Въ сущности она не виновата,—отвѣтила послѣдняя въ при-

мирительномъ тонѣ,—отъ ученыхъ понаслушалась вздору, ну, и повторяетъ по глупости своей.

— А! теперь понятно почему дѣвчонка совсѣмъ ошалѣла: наговорила съ ними и сама стала такая же. Недаромъ паша нашъ считаетъ господъ этихъ мошенниками: они и въ Бога не вѣрятъ, совѣсть потеряли, а живутъ однимъ обманомъ и морочатъ честныхъ людей—тѣмъ и свѣтъ покорили.

Такъ ораторствовала красавица-арабка, ссылаясь на мнѣніе просвѣщеннаго супруга своего о насъ, европейцахъ.

— Жаль бѣдную дѣвушку—снова постаралась въ мою пользу дочь Кіамиль-паши,—такъ разумно говорила о падишахѣ и вдругъ... прямо съ ума сошла!

— Разспроси ты ее хорошенько,—обратилась къ ней Базя,—кто же будетъ во вторникъ ползать вокругъ лампы пророка?

— Да! да! непременно,—обрадовалась Ашима, предвкушая новую потѣху,—только наберись терпѣнія и не мѣшай ей—пусть мелеть, а мы посмѣемся!...

Я сидѣла недалеко отъ нихъ сконфуженная, обозленная и хотя не понимала ихъ языка, но чувствовала, что невѣжественныя созданія издѣваются надо мной.

Элиме снова приблизилась ко мнѣ и заговорила вкрадчиво, стараясь быть серьезной.

— Извините меня, милая Eugénie, я перебила васъ на самомъ интересномъ мѣстѣ и, такимъ образомъ, не узнала главнаго: кто же, по-вашему, старается во время затменія овладѣть свѣтиломъ Ислама?

— Никто!—съ досадой отвѣтила я,—это тѣнь земного шара—вотъ и все! Впрочемъ, если хотите, то можно и наглядно представить вамъ картину луннаго затменія?

Турчанка сначала поперхнулась, видимо дѣлая усилія заглушить приступы смѣха, но тотчасъ же оправилась и чрезвычайно вѣжливо попросила не отказать ей въ дальнѣйшихъ подробностяхъ.

Тогда, подкупленная ея смиреннымъ видомъ, я взяла изъ вазы апельсинъ съ двумя мандаринами, расположила ихъ на столѣ въ примѣрномъ порядкѣ солнечной системы и обратилась къ ней съ такою рѣчью:

— Вообразите себѣ, что апельсинъ—солнце; одинъ мандаринъ мы назовемъ нашей планетой, а другой, который поменьше—луной...

Обѣ невольницы подошли поближе и, съ выраженіемъ суевѣрнаго страха въ глазахъ, слѣдили за движеніями моихъ рукъ. Элиме, кусая губы, дѣлала видъ, что прекрасно все понимаетъ; но не утерпѣла и кольнула меня насмѣшливымъ замѣчаніемъ:

— Странно что-то,—указывая на апельсинъ, улыбнулась она,— прежде онъ былъ земля, а теперь солнце? Я объяснила, что такъ надо сейчасъ для болѣе удобнаго сравненія величинъ, и слова мои: „такъ какъ солнце во много разъ больше земли и луны вмѣстѣ ввѣтыхъ“—прямо ошеломили ее!

Она отвернулась въ сторону и, схвативъ носовой платокъ, засунула его въ ротъ, чтобы предупредить взрывъ бѣшенаго хохота.

— Аллахъ! что еще наврала ей эта четырехглазая франка?—вопили женщины.

— Она уморить тебя, и ты умрешь!—вскрикивала испуганная Ашима, наклоняясь къ падчерицѣ.

И дѣйствительно, было отъ чего прійти въ ужасъ: вся пунцовая, обливаясь слезами, дочь губернатора задыхалась въ припадкѣ истерики, беспомощно лова воздухъ руками.

Общими усиліями мы привели ее въ чувство и когда, наконецъ, она успокоилась я, по совѣту Магіе, измѣнила тему разговора и принялась еще въ болѣе яркихъ краскахъ, дополняя кое-что собственной фантазіей, изображать блескъ и роскошь Селямлика въ „Истамбулѣ“.

Желая нѣсколько смягчить дикое впечатлѣніе отъ моихъ стремительныхъ лекцій по космографіи, тетка моя взялась объяснить недоумѣвающей Ашимѣ то же самое; но въ болѣе понятной формѣ и на турецкомъ языкѣ. Тогда между ними начался другой водевиль.

Ханумъ слушала сперва серьезно и одобрительно кивала головкой; но когда дошло дѣло до вращенія земли, то не утерпѣла и, обращаясь къ Элиме, перебила наше мирное собесѣдованіе восклицаніемъ по-арабски:

— И эта старая дура туда же, куда и молодая! должно быть обѣ онѣ припадочныя!

Слово „припадочная“ означаетъ у затворницъ гаремовъ послѣднюю степень „глупости“ и даже идиотизма.

Сдѣлавъ столь лестную оцѣнку стараніямъ Магіе, генеральша подала знакъ собираться, да и пора было: визитъ ихъ по турецкому обычаю продолжился болѣе шести часовъ, и мы чувствовали себя крайне утомленными.

На прощаніе образованная дѣвица прочитала мнѣ наставленіе:

— Отъ всей души совѣтую вамъ, милая моя, не вѣрять календарямъ и ученымъ, а иначе Аллахъ накажетъ васъ—лучше всего читайте Коранъ—я пришлю его вамъ во французскомъ переводѣ: тамъ вы найдете то, что необходимо знать каждой женщинѣ.

Началось еще болѣе сложное одѣваніе, чѣмъ раздѣваніе: прика-

ываніе ясмаковъ, фередже, шлейфовъ—булавокъ потребовалось на это нѣсколько сотенъ.

Наговоривъ намъ, по требованіямъ гаремнаго этикета, множество вычурныхъ комплиментовъ, онѣ стали спускаться по лѣстницѣ внизъ, шумно переговариваясь и повторяя на всѣ лады:

„Ну, и потѣшимъ мы пашу, нашего милостиваго господина! То-то посмѣется онъ на доброе здоровье, Машалла“¹⁾!

Г л а в а XXI.

— Возможно ли что-нибудь подобное? — скажетъ удивленный читатель,—авторъ самъ себѣ противорѣчатъ — тогда не для чего было и упоминать, что дочь Кіамиль-паши кончила курсъ въ европейской общинѣ. Неужели миссіонерами ѣдутъ туда совершенно невѣжественные люди, которые не въ состояніи даже передать своимъ питомцамъ хотя бы самыхъ элементарнѣйшихъ понятій о мирозданіи и, вообще, о томъ немногомъ, что пріобрѣтается даже нашими ребятами въ сельскихъ школахъ. Такъ спросить всякій, кто не провелъ часть своей жизни въ странѣ полумѣсяца, а слѣдовательно и не можетъ имѣть понятія о степени развитія турецкой женщины. Кромѣ того, не каждому, даже мѣстному уроженцу доступна для изученія замкнутая магометанская семья.

Мнѣ выпала счастливая доля хорошо познакомиться съ интимной стороной гаремнаго быта—только благодаря моимъ роднымъ, которые, проживъ всю свою жизнь среди мусульманъ Оттоманской Имперіи, успѣли заслужить рѣдкое для иностранцевъ довѣріе и особенное, исключительное ихъ къ себѣ расположеніе. Но прежде чѣмъ отвѣтить на справедливое недоумѣніе по поводу бесѣды моей съ „образованной турчанкой“, я должна сказать нѣсколько словъ о томъ, чему учатъ затворницъ гаремовъ въ христіанскихъ школахъ, и какія обязательства принимаютъ на себя послѣднія, какъ передъ правительствомъ, такъ и родителями ученицъ.

Извѣстно, что на востокѣ существуютъ очень много разныхъ монашествующихъ орденовъ, братствъ, общинъ католическаго, лютеранскаго и другихъ исповѣдованій. Всѣ эти духовныя учрежденія занимаются тамъ больше политическими интригами, чѣмъ распространеніемъ евангелія. При нѣкоторыхъ общинахъ, а также и при женскихъ греческихъ школахъ содержатся особыя отдѣленія для

¹⁾ Да благословитъ Богъ!

мусульманскихъ дѣвочекъ, гдѣ обучаютъ ихъ премудрости нѣсколько иначе, чѣмъ христіанокъ.

Курсовая программа не сложна. Главныхъ предметовъ три: рукодѣліе съ вышиваніемъ, чтеніе изреченій изъ Корана и турецкій этикетъ. Для преподаванія послѣдняго приглашаются нерѣдко оставныя наложницы сановниковъ. Онѣ учатъ дѣвицъ изысканнымъ селямамъ, цвѣтистымъ комплиентамъ, вычурнымъ оборотамъ рѣчи, правиламъ гостепріимства, манерамъ, вѣжливости и восточнымъ танцамъ.

За симъ предметы второстепенной важности: французскій или англійскій языкъ, смотря по миссіи, немного ариѳметики для домашняго обихода, игра на піанино или мандолинѣ и... кажется, все!

Что же касается хотя бы самыхъ смутныхъ понятій о географіи, исторіи и др., то все это строго воспрещено закономъ для магометанокъ.

Турчанкѣ разрѣшается посѣщать школу только до 14 лѣтняго возраста, т. е. до того знаменательнаго для нея дня, когда она должна, какъ установлено Кораномъ, надѣть ясмакъ, чтобы навсегда скрыть лицо свое отъ взоровъ посторонняго мужчины.

Съ этого момента образованіе ея считается законченнымъ: читать что-либо другое, кромѣ священной книги Ислама, ей дома не позволять, а знаніе иностраннаго языка имѣетъ уже практическое примѣненіе при посѣщеніяхъ магазиновъ и лавокъ гяуровъ. Замкнутость турецкой женщины вовсе не такъ безусловна, какъ намъ кажется. Обыкновенно мы представляемъ ее себѣ заключенною, подобно плѣнницѣ, въ гаремѣ подъ присмотромъ свирѣпыхъ евнуховъ.

Такъ оно, пожалуй, и было прежде; но со времени царствованія Абдуль-Меджида соціальное положеніе ея значительно улучшилось. Тотъ просвѣщенный и гуманный султанъ даровалъ затворницамъ нѣкоторую свободу, не нарушивъ въ то же время по существу стародавнихъ обычаевъ и религіозныхъ уставовъ Корана.

Благодаря ему, всѣ обитательницы гаремовъ получили разрѣшеніе показываться на улицахъ, базарахъ, ѣздить въ магазины, на прогулки; но подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ правилъ, которыя обязываютъ ихъ, напримѣръ, не выходить изъ дома иначе, какъ подъ вуалью изъ кисеи и въ сопровожденіи слугъ или рабынь.

Подобная роскошь доступна, конечно, состоятельнымъ людямъ, а женщины бѣдной части населенія ходятъ, повидимому, безъ всякаго надзора; но это только кажется такъ: всякій, даже случайно проходящій мусульманинъ, имѣетъ право сдѣлать слоняющейся турчанкѣ внушительное замѣчаніе, если замѣтитъ что-нибудь предосудительное въ ея поведеніи.

Зато ничего нѣтъ комичнѣе, какъ набѣги турчанокъ на европейскіе магазины, чему я множество разъ была зрительницей.

Для такихъ экскурсій онѣ собираются обыкновенно большими группами. Съ шумомъ и гамомъ врывается компанія въ торговое помѣщеніе и начинаетъ форменный разгромъ сложенныхъ товаровъ. Перерывъ рѣшительно все, что видятъ ихъ глаза сверху и до низу, онѣ при этомъ отчаянно торгуются, предлагая, невозможно низкія цѣны.

Приказчики, хорошо знакомые съ подобными приѣмами этихъ милыхъ дамъ, злобно огрызаясь, запрашиваютъ въ отместку такъ немовѣрно дорого, что напуганныя покупательницы обращаются въ бѣгство.

Однако, я уклонилась совершенно въ сторону и не познакомила читателя, какъ общала, со взглядами мусульманъ на просвѣщеніе ихъ женщинъ по западному образцу.

Но лучше всего за меня это слѣдуетъ самый передовой и либеральный турокъ того времени, а именно Мидхатъ-паша, другъ Англій, врагъ Россіи и славянъ.

Я передамъ буквально сужденія этого европейца въ фескѣ на тему о женской эмансипаціи.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

